

УДК 331.5.024.54

Регион: экономика и социология, 2020, № 1 (105), с. 97–118

Р.А. Долженко, С.В. Лобова

ПОИСК БАЗОВЫХ ДЕТЕРМИНАНТ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ¹

В настоящее время в отношении миграционного поведения молодежи нет строгого, систематизированного и комплексного перечня детерминант, несмотря на актуальность данной темы для регионов РФ в связи со значительными миграционными потоками молодых людей на территории страны. В статье представлен авторский взгляд на миграционное поведение как функцию с детерминантами, выделение которых опиралось на различные теории миграции и подтверждалось результатами релевантных исследований, проводимых российскими и зарубежными учеными, что позволило выявить основные тенденции и особенности миграционного поведения молодежи в современных условиях. Проанализированы данные о миграции молодых людей в Сибирском федеральном округе, в частности в Алтайском крае. Выявлены возможные последствия значительных миграционных потоков молодежи, направленных в соседние регионы. Проведенный анализ основан на данных Росстата, материалах исследований зарубежных и отечественных ученых в области миграции населения.

Ключевые слова: миграция молодежи; детерминанты миграции; трудоустройство выпускников; последствия миграции; старение населения региона

¹ Изложенные в настоящей работе результаты по мере их подготовки были представлены и обсуждены на международных конференциях «Ломоносовские чтения на Алтае: фундаментальные проблемы науки и техники» (Барнаул, 13–16 ноября 2018 г.) и «Экономическое развитие региона: управление, инновации, подготовка кадров» (Барнаул, 8 июня 2018 г.).

Для цитирования: *Долженко Р.А., Лобова С.В.* Поиск базовых детерминант миграционного поведения молодежи // Регион: экономика и социология. – 2020. – № 1 (105). – С. 97–118. DOI: 10.15372/REG20200105.

В последнее время растет интерес к вопросам миграционного поведения населения. Объяснение этому, с одной стороны, в увеличившихся миграционных потоках различного уровня (международных, межрегиональных), оказывающих существенное влияние на социально-экономические и политические процессы на «принимающих» и «отдающих» территориях. С другой стороны, уже накоплен богатый запас концептуальных и теоретических подходов к изучению миграции, из которых исследователи могут черпать новые данные и строить на них убедительные гипотезы, проверяемые путем эмпирических свидетельств и вносящие вклад в лучшее понимание специфических аспектов, измерений и процессов миграции [15].

При изучении миграционных процессов того или иного региона России особый интерес представляет мигрирующая молодежь. Во-первых, молодежь наиболее подвижна в миграционном плане, ее переток между регионами меняет не только численность населения, но и его структуру. Во-вторых, миграция молодежи не только является отражением социально-экономических различий, но также порождает и закрепляет их. В-третьих, миграция молодежи на территориях ее оттока не только способствует ускоренному старению населения, но и ведет к отрицательной селекции, а на территориях притока, наоборот, сглаживает многие негативные последствия в изменении населения, служит драйвером развития социальных и экономических процессов. В-четвертых, в условиях ограниченности ресурсов молодежи уже в ближайшем будущем конкуренция за нее будет идти не между городом и селом, центром и периферией, а между крупными городами [9].

Это далеко не полный перечень причин, по которым исследование оснований миграционного поведения молодежи любого региона является актуальным. Если говорить о ключевой проблеме в этой области, то она очевидна: молодежь очень активно включается в миграционные потоки, ослабляя в стратегической перспективе человеческий

капитал регионов (особенно удаленных), однако адекватные инструменты противодействия данным тенденциям так и не сформированы. При этом ускорение общественных процессов, активное погружение молодых людей в интернет-среду, смена их ценностных установок, что облегчает переезд в другие населенные пункты, требуют новых подходов к идентификации миграционных предпочтений, как и других показателей миграции.

Цель данной работы – охарактеризовать наиболее важные детерминанты миграционного поведения молодежи в регионах Сибирского федерального округа, в частности в Алтайском крае, а также проанализировать их влияние на регион в среднесрочной перспективе. Отметим, что здесь не будут рассматриваться те аспекты миграции, которые связаны с переездом за рубеж, так как международная миграция незначительна по сравнению с межрегиональной и не является актуальной для молодых жителей региона, желающих в первую очередь переехать в крупные города страны.

БАЗОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННОМ ПОВЕДЕНИИ

Как только миграция как явление была четко идентифицирована среди прочих перемещений людей, она попала в фокус внимания исследователей. Самое простое ее определение сводится к тому, что миграцией считается перемещение людей с места на место для проживания или работы [19]. Иногда миграция отождествляется с пространственной мобильностью – свободным физическим перемещением или движением лиц внутри страны либо путем пересечения границы стран с целью улучшения качества жизни, что являет собой внутреннюю мотивацию мобильности (*inner motivation of mobility*) [20].

Особое место в изучении миграции отводится миграционному поведению, под которым понимается «совокупность действий и поступков, выраженных в процессах, непосредственно связанных с миграцией населения» [14, с. 8], включающая в себя «опирающуюся на миграционный опыт деятельность по подготовке перемещений и отказ от таковых, сам миграционный акт (реальное поведение), а также

деятельность в процессе приживаемости» [12]. Миграционное поведение обуславливается влиянием не только объективных, но и субъективных факторов, которые для запуска механизма миграции находятся во взаимодействии.

В научном пространстве существует множество работ, представляющих попытки объяснить миграционное поведение населения, обобщенные в теории, модели, концептуальные подходы, эмпирические обобщения, простые заметки и т.п., в которых изучение миграции направлено как вглубь, так и вширь. Их многообразие объясняется как сложностью и многогранностью самого феномена миграции, так и инкорпорированностью его изучения в ту или иную область знания: экономику, демографию, политологию, социологию, историю, социальную географию и т.д. [2]. Наиболее известные теории миграции – теория «тяги-толкай» (Push and Pull Factors), неоклассическая теория миграции макро- и микроуровня, равновесная модель миграции, новая экономика миграции (New Economics of Labour Migration, NELM), теория мировой системы (Migration System Theory), теория сегментированного рынка труда (Dual Labour Market Theory), сетевая теория миграции, теория совокупной причинной обусловленности (Cumulative Causation Theory). Их критически-сопоставительный анализ представлен в работах [22; 29; 30].

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ДЕТЕРМИНАНТЫ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ

Известный исследователь в области миграции Л.Л. Рыбаковский отмечает, что «поведение является следствием взаимодействия личностных и объективных характеристик, оно – совокупность поступков, совершаемых индивидом в течение жизни» [12]. Таким образом, миграционное поведение представляет собой некоторую функцию определяющих его двух групп переменных, называемых детерминантами миграционного поведения: характеристик внешней среды и субъективных потребностей мигранта. Формализованное описание миграционного поведения (МП) имеет следующий вид:

$$\text{МП} = f(\text{ГК}, \text{ПСЭУТ}, \text{РЭС}, \text{В}, \text{О}),$$

где ГК – географический канал; ПСЭУТ – политические, социальные и экономические условия территорий «выталкивания» и «притяжения»; РЭС – рациональные экономические соображения; В – возраст; О – образование.

Далее будет представлен обзор основных теоретических аргументов и публикаций с результатами аналогичных исследований, которые доказывают влияние этих факторов на миграционное поведение молодежи.

Географический канал. Британский географ Э.Г. Равенштейн в своей работе 1885 г. «Законы миграции» («The Laws of Migration») выявил следующие взаимосвязи (приводятся лишь некоторые, контекстуально относящиеся к тематике настоящего исследования):

- большинство мигрантов перемещаются на короткие расстояния;
- поток мигрантов в центры поглощения (center of absorption) уменьшается пропорционально расстоянию перемещения;
- чем больше граница территории поглощения, тем больше возможностей для притока мигрантов;
- миграционный поток имеет четко определенный географический канал (цит. по: [26]);
- на длинные расстояния мигрируют в крупные центры промышленности и торговли;
- большие города растут главным образом из-за миграции (цит. по: [1]).

Данные о миграционном приросте в России за 2011–2014 гг. свидетельствуют о наличии тенденций центростремительности: почти вся нетто-миграция городского населения страны во внутренних миграциях (53,9%) аккумулируется в городах, являющихся региональными центрами, еще почти 36% приходится всего на два города – Москву и Санкт-Петербург. Города с числом жителей меньше 100 тыс. чел., поселки городского типа и сельские населенные пункты отдают свое население [11]. «Миграция в России носит выраженный центростремительный характер, население стягивается в крупнейшие центры – Москву, Санкт-Петербург и одноименные агломерации. В пределах каждого региона население стремится в региональные

столицы, представленные крупными городами, концентрирующими многие виды ресурсов» [10, с. 226]. О центронаправленности миграции молодежи свидетельствуют и результаты исследований группы экспертов из Высшей школы экономики – И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна и О.В. Лешукова, представленные в виде рейтинга российских регионов, наиболее привлекательных для молодежи [5].

Политические и экономические условия территорий. Э. Ли, автор теории «тяни-толкай», дифференцировал следующие факторы миграции [23]:

- вызывающие «выталкивание» мигрантов (безработица, низкий уровень жизни, военные конфликты, стихийные бедствия, преследования за политические взгляды и вероисповедание и т.п.);
- вызывающие «притягивание» мигрантов (высокий уровень экономического развития и социального обеспечения, спрос на рабочую силу, в том числе и на неформальном рынке труда, политическая свобода, либеральная политика в отношении мигрантов и т.п.);
- вмешивающиеся препятствия (транспортные расходы, расходы и доходы на новом месте, законодательное регулирование перемещений и т.п.).

Рациональные экономические соображения мигранта. Считается, что в объяснении причин миграции доминирующей в настоящее время является неоклассическая теория, постулирующая тезис о том, что миграция стимулируется прежде всего рациональными экономическими соображениями человека относительно финансовых и психологических выгод и издержек [28]. Эта теория была подвергнута критике как на концептуальном [15], так и на эмпирическом [16] уровне (ее главным недостатком признано игнорирование демографических, социальных и политических факторов миграции), но в силу своей аналитической строгости и способности продуцировать тестируемые гипотезы для анализа причин и последствий миграции она до сих пор занимает значимое место в академических и политических исследованиях [1].

Неоклассическая теория миграции макроуровня (Neo-Classical Macro-Migration Theory) берет свое начало в работах Дж. Хикса («The Theory of Wages»), У. Льюиса («Economic Development with Unlimited Supplies of Labor»), Дж. Харриса и М. Тодапо («Migration, Unemployment and Development: A Two-Sector Analysis»), в которых аргументируется позиция, что миграция связана с различиями в заработной плате на территориях, обусловленными неравномерным распределением труда и капитала. В исследованиях миграции, аффилированных с неоклассической теорией, представлены доказательства наличия линейной связи между дифференциацией заработной платы и миграционными потоками [17; 24], показано, что в условиях развитой экономики основным мотивом в 50–60% решений о миграции являются трудовые и экономические соображения [25], а разница в заработных платах в регионах на уровне 30% оказывается достаточной для того, чтобы выгоды от миграции были выше понесенных издержек на нее [21]. В расширенных неоклассических моделях, описывающих миграционное поведение, в качестве ключевой переменной рассматривается не реальный, а ожидаемый доход на новом месте, корректируемый на вероятность занятости. Их формализация имеет следующий вид: *скорость перемещения* = *F (разница в заработной плате, вероятность занятости)* [22]. Таким образом, с точки зрения неоклассиков, миграционный акт (в большей степени это применимо к трудовой миграции) – результат дифференциации заработной платы между территориями и устранение данных различий (выравнивание уровня оплаты труда) исключит межтерриториальную мобильность трудовых ресурсов [7].

Выводы неоклассиков можно проиллюстрировать данными по регионам Сибирского федерального округа. В таблице 1 приведены данные о трудоустройстве в 2016 г. выпускников, окончивших вузы некоторых регионов СФО в 2015 г., представленные на портале Мониторинга трудоустройства выпускников вузов по студентам программ всех форм обучения².

² URL: <http://vo.graduate.edu.ru/registry#/?year=2015&slice=6>.

Таблица 1

Трудоустройство в 2016 г. выпускников 2015 г. образовательных организаций регионов Сибирского федерального округа, обучающихся по программам всех форм обучения

Регион	Кол-во образоват. орг-ций высш. образования с филиалами вузов др. регионов	Число выпускников, чел.	Доля трудоустроен. выпускников, в т.ч. зарегистрир. индивид. предпринимателями, %	Отн-ние числа уехавших из региона выпускников к числу оставшихся	Сред. сумма выплат уехавшим выпускникам, руб.	Сред. сумма выплат оставшимся выпускникам, руб.	Отн-ние сумм выплат уехавшим выпускникам к сред. сумме выплат оставшимся	Место рег. системы высш. образования в рейтинге по обеспеченности качеством местами
Республика Бурятия	11	6806	68	0,62 (3:5)	25913	22105	1,17	52–80
Республика Тыва	2	1397	71	0,09 (1:10)	26275	21324	1,23	52–80
Республика Хакасия	4	1876	77	0,83 (4:5)	27584	23616	1,17	52–80
Алтайский край	17	13412	79	0,59 (3:5)	28277	18414	1,54	31–32
Забайкальский край	6	5477	74	0,28 (3:10)	32375	30356	1,07	42
Красноярский край	26	16136	78	0,24 (1:5)	33577	31595	1,06	47
Иркутская обл.	25	19804	75	0,41 (2:5)	36098	30597	1,18	38
Кемеровская обл.	13	14208	78	0,48 (1:2)	28694	24658	1,16	37
Новосибирская обл.	40	22613	79	0,50 (1:2)	34713	24881	1,40	5
Омская обл.	25	16462	81	0,87 (9:10)	40106	22530	1,78	22
Томская обл.	18	11545	80	0,74 (7:10)	38635	28608	1,35	2

Как следует из данных табл. 1, наибольший отток выпускников вузов из региона наблюдается там, где разрыв между предлагаемым уровнем заработной платы на других территориях и непосредственно в регионе достаточно велик (более 30%), – в Омской области, Алтайском крае, Новосибирской и Томской областях. Однако исходящий поток выпускников вузов в Новосибирской и Томской областях в основном компенсируется входящим потоком абитуриентов с других территорий. В то же время для Омской области и особенно для Алтайского края такой механизм недоступен, в том числе из-за отсутствия в этих регионах сильных образовательных центров. Действительно, в 2003–2010 гг. среди регионов Сибирского федерального округа имели положительное сальдо миграционного прироста молодежи в возрасте от 17 лет до 21 года только Новосибирская и Томская области (вместе Томск и Новосибирск составляют образовательный центр Сибири), а для Омской области и Красноярского края значение этого показателя было приближено к нулю. Кстати, в Томской области прирост молодежи в возрасте от 17 лет до 21 года в относительных показателях оказался почти в 4 раза больше, чем прирост всего населения [5]. В 2011–2013 гг. положительное сальдо миграции молодежи продемонстрировали такие сибирские регионы, как Новосибирская, Омская, Томская области и Красноярский край (с поправкой на изменившуюся методику учета мигрантов).

Таким образом, рациональные экономические представления молодежи региона о тех возможностях, которые может обеспечить им экономика этого региона после завершения ими обучения, являются очень сильным мотиватором к смене места жительства.

Возраст и образование. Неоклассическая теория миграции микроуровня (Neo-Classical Micro-Migration Theory) опирается на идеи рационального индивидуального выбора на основе сопоставления ожидаемых выгод и предполагаемых издержек (cost-benefit approach). В теории миграции человеческого капитала Л. Сжаастад [27] включил в фокус рассмотрения иницилирующих миграцию факторов социально-демографические характеристики рационального индивидуума, перемещающегося с целью максимизации преимуществ и выгод от обладания такими свойствами, как образование, компетенции, про-

фессия, опыт трудовой деятельности, семейное положение, социальный статус, возраст и т.п., которые благоприятно влияют на возможный уровень заработной платы на новом месте.

В работе Т. Бауэра и К. Циммерманна [17] доказывается, что вероятность миграции снижается с увеличением возраста и обычно повышается с увеличением уровня образования. Молодые люди не отягощены собственной семьей и более мобильны, чем старшие поколения. В России пик миграционной активности приходится на молодежь 18–20 лет, чуть менее активно переезжают люди в возрасте от 20 до 30 лет, а люди старше 40 лет переезжают значительно реже [13]. И.С. Кашницкий, Н.В. Мкртчян и О.В. Лешуков объясняют такую тенденцию тем, что в молодом возрасте цена переезда сравнительно невысока относительно упущенных возможностей [5]. Экономическая теория показывает, что совокупная «стоимость» упущенных возможностей в случае, если молодой человек решит остаться в регионе, где он родился, может оказаться намного выше, чем стоимость переезда [15].

Чаще всего молодые люди переезжают из регионов со слабо развитой системой образования или депрессивной экономикой в регионы, где есть хорошие вузы и больше возможностей найти работу. Поступление в вузы или поиск первой постоянной работы – удобный момент, чтобы сменить место жительства. Переезд выпускников школ может быть и вынужденным из-за нехватки студенческих мест в желаемых учебных заведениях родного региона [13].

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ МИГРАЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

Для оценки показателя послевузовской миграции как доли уехавших из региона выпускников в общей численности выпускников вузов Алтайского края были использованы данные Мониторинга трудоустройства выпускников вузов по студентам программ всех форм обучения, окончившим обучение в 2014 г. и трудоустроенным в 2015 г. Для Алтайского края этот показатель составил 0,33, что соответствует среднему значению и медиане по выборке, т.е. 33% выпускников

вузов Алтайского края трудоустраиваются в других регионах. Близкий показатель у Новосибирской области (0,34), а вот для вузов Томской области этот показатель значительно выше – 0,46. Среди выпускников организаций высшего образования Алтайского края 2015 г. доля трудоустроившихся в 2016 г. составила 77% плюс 2% зарегистрировавшихся в качестве индивидуальных предпринимателей. Отношение числа выпускников, переехавших в другой регион, к числу оставшихся работать в крае составило 3:5, т.е. более 40% выпускников нашли работу за пределами территории, где они получали высшее образование. Средняя заработная плата покинувших регион выпускников вузов 2015 г. более чем в 1,5 раза (на 54%) превысила сумму выплат оставшимся работать в крае³.

В работе Г.А. Булатовой [3] представлена информация о трудоустройстве не только выпускников вузов, но и выпускников, получивших среднее профессиональное образование. Она была агрегирована из результатов впервые проведенного Федеральной службой государственной статистики выборочного наблюдения по данному показателю (рис. 1). Как следует из этой информации, доля трудоустроившихся выпускников, получивших высшее и среднее профессиональное образование, год от года снижается, что в принципе соответствует тенденции, характерной для Сибирского федерального округа и для России в целом.

По оценкам экспертов, в Алтайском крае имеют целевую установку на межрегиональную миграцию до 43% школьников, 29% студентов ССУЗов, 32% студентов вузов и около 37% рабочей молодежи⁴.

В наблюдаемый период доля занятых в экономике региона в возрасте до 29 лет снизилась на 2,3 п.п., что наталкивает на мысль о старении трудовых ресурсов в крае: средний возраст занятых в экономике повысился в 2017 г. по отношению к 2013 г. с 40,4 до 40,8 года. При этом доля безработных сократилась на 8,9 п.п., но все еще про-

³ URL: http://vo.graduate.edu.ru/passport#/?items=1&slice=6&year=2015&year_monitoring=2016 .

⁴ URL: <http://www.altai.aif.ru/dontknows/1241613> .

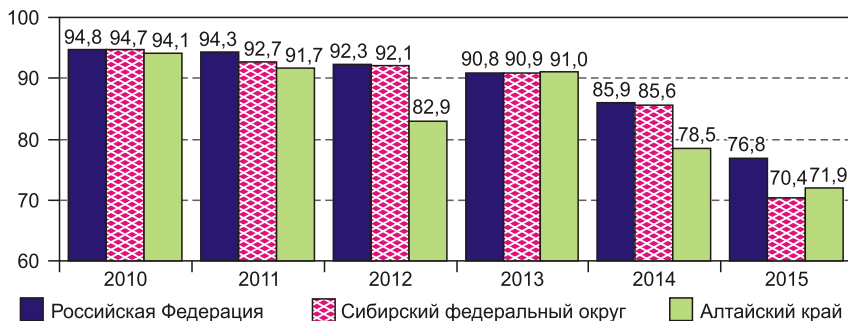

Рис. 1. Удельный вес трудоустроившихся выпускников организаций высшего и среднего профессионального образования 2010–2015 гг., %

Источник: [3]

должает оставаться достаточно большой: более четверти безработных в крае – это молодые люди в возрасте до 29 лет.

По результатам анализа вузов региона на «входе» (через оценку потоков абитуриентов) и на «выходе» (посредством территориальной оценки трудоустройства выпускников) авторами доклада «Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов» [6] Алтайский край был отнесен к группе регионов, предполагающих дополнительный анализ (значения показателя востребованности находится в промежутках от 0,9 до 1,1 или от 0,305 до 0,355 – для показателя послевузовской миграции), или с пограничным положением. Эта группа очень неоднородна как по характеристикам региональной системы высшего образования, так и по социально-экономическим параметрам самих регионов [4].

Далее остановимся на двух возможных последствиях миграции для региона. Первое состоит в том, что миграция молодежи несет для населения Алтайского края «остаревающий» эффект. Как следует из данных табл. 2, на начало 2017 г. доля населения края в возрасте 15–24 лет составила менее 10%, сократившись с 2002 г. более чем на 7 п.п. И здесь не надо пенять на такие факторы, как рост смертности населения в этой возрастной группе или сокращение рождаемости.

Таблица 2

Доля населения возрастных групп 15–19 и 20–24 лет в общей численности населения Алтайского края в 2002–2016 гг., возрастные коэффициенты смертности и рождаемости в Алтайском крае в 2000–2016 гг.

Показатель	2002	2010	2016
Доля населения в возрасте 15–19 / 20–24 / 15–24 лет в численности населения, %	9,1 / 8,2 / 17,3	5,5 / 7,9 / 13,4	4,55 / 4,96 / 9,51
	2000	2010	2016
Коэффициенты смертности (умершие на 1000 чел. соответств. возрастной группы) по возрастам:			
мужчины 15–19 / 20–24 / 15–24 лет	1,9 / 4,5 / 6,4	1,1 / 2,6 / 3,7	1,1 / 1,8 / 2,9
женщины 15–19 / 20–24 / 15–24 лет	0,8 / 0,9 / 1,7	6,6 / 1,0 / 1,6	0,3 / 0,7 / 1,0
Суммарный коэффициент рождаемости	1,239	1,625	1,777

Источник: [9].

Сокращение молодого населения Алтайского края и формирующийся в обществе настрой на отъезд выпускников школ из региона не могут не сказаться также и на численности его населения в обозримой перспективе. По прогнозу Алтайкрайстата, население края на начало 2036 г. составит 1 996 тыс. чел., сократившись по отношению к началу 2019 г. на 14,4%⁵. При этом доля населения моложе трудоспособного возраста в 2036 г. составит 15,8% (сокращение по отношению к 2019 г. на 3,3 п.п.), трудоспособного возраста – 51,8% (сокращение на 1,3 п.п.), старше трудоспособного возраста – 32,4% (увеличение на 4,6 п.п.), что позволяет говорить о возрастании демографической нагрузки в прогнозном периоде. Численность населения будет уменьшаться как за счет миграции, так и за счет сокращения рождаемости из-за снижения количества жителей края в детородном возрасте.

⁵ URL: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegion/Stat/population/.

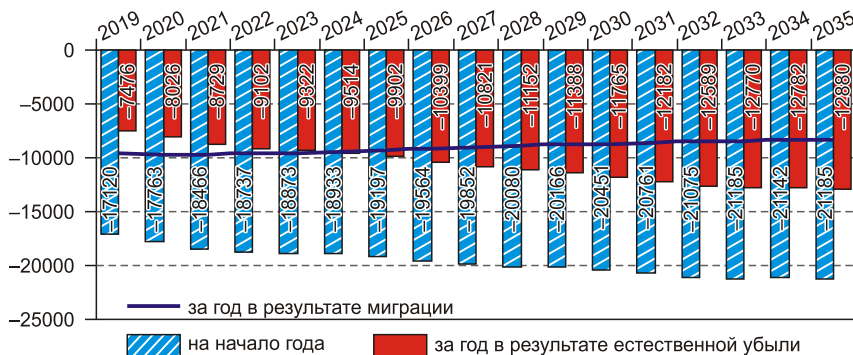

Рис. 2. Средний вариант прогноза изменений численности населения Алтайского края в 2018–2035 гг., чел.

Источник: http://akstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/akstat/ru/statistics/altayRegion/Stat/population/

На рисунке 2 показано изменение численности населения края с указанием причин: естественной убыли, которая окажет наибольшее влияние, и отрицательного миграционного баланса.

Отметим, что в табл. 2 и на рис. 2 отражена общая ситуация по Алтайскому краю вне центрo-периферийного контекста изучаемого явления. Между тем с опорой на результаты исследования Н.В. Мкртчяна, утверждающего, что «максимальных масштабов отток молодежи достигает в периферийных частях регионов (территории, значительно удаленные от региональных столиц)... периферийным территориям не удастся удержать молодежь, вся разница между ближней и дальней периферией заключается только в масштабах потерь» [8], есть основания полагать, что муниципальные районы края имеют еще больший дисбаланс в возрастной структуре населения, вызванный миграцией молодежи.

Второе возможное последствие миграции молодежи для региона состоит в следующем. Миграционные решения у населения молодых возрастов, с одной стороны, формируют у этих людей ту или иную жизненную траекторию, а с другой стороны, определяют пространственное распределение человеческого капитала. Конкуренция за луч-

шую молодежь становится существенным фактором развития регионов [18]. Невозвратная миграция молодых людей снижает уровень человеческого капитала в регионе, который имеет три составляющие: 1) физическое, психическое и социальное здоровье, воздействующее не только на физическую дееспособность граждан страны, но и на характер процессов демографического воспроизводства; 2) профессионально-образовательный ресурс и интеллектуальный потенциал, включая подготовку специалистов высшей квалификации и занятой научным трудом части граждан; 3) социокультурную активность граждан и их нравственные ценности [6].

Подчеркнем, что образование в регионе – важный, но не единственный фактор миграционных устремлений молодежи. Первичными являются социально-экономические условия жизни населения, поэтому решение миграционных проблем невозможно без адекватного формирования возможностей для повышения уровня жизни населения, повышения эффективности человеческой деятельности и конкурентоспособности экономики при обеспечении удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений в экономической, социальной и природоохранной сферах.

* * *

Приведенные факты свидетельствуют о высокой миграционной мотивации у молодежи Алтайского края. Она обусловлена как стремлением получить профессиональное образование в вузах, которые имеют хорошую репутацию у работодателей, так и поиском лучших предложений на рынке труда. Последствиями эмиграции молодежи для региона в обозримой перспективе могут стать деформация возрастной структуры его населения и снижение качества человеческого капитала.

Миграция – социальное явление, которое всегда было, есть и будет, а потому заслуживает пристального изучения. Однако приходится констатировать, что новые вызовы требуют новых подходов к работе с ними. В настоящей статье представлены основные тренды

миграции молодежи как наиболее мобильной категории населения. Показано, что это явление обуславливается влиянием нескольких факторов, причем для разных регионов России они имеют неодинаковое значение. Регионы Сибирского федерального округа, и в частности Алтайский край, страдают от сокращения численности молодых людей, что особенно остро ставит вопрос о необходимости изучения миграционного поведения молодежи. Эти миграционные потоки необходимо исследовать для того, чтобы понимать, что их предопределило, и иметь возможность оказывать на них влияние в среднесрочной перспективе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и правительства Алтайского края (проект 18-410-220015 «Исследование социально-средовой детерминации миграционно-трудового поведения молодежи Алтайского края»)

Список источников

1. Абылкаликов С.И., Винник М.В. Экономические теории миграции: рабочая сила и рынок труда // Бизнес. Общество. Власть. – 2012. – № 12. – С. 1–19. – URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12/71249233.html> (дата обращения: 10.07.2018).
2. Бельская Ю.В. Миграция в истории экономической науки: гносеологические основания изучения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 5 (33). – С. 144–155.
3. Булатова Г.А. Мониторинг и оценка трудоустройства выпускников вузов // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2017. – № 4. – С. 18–23.
4. Громов А.Д., Платонова Д.П., Семенов Д.С., Пырова Т.Л. Доступность высшего образования в регионах России. – М.: НИУ ВШЭ, 2016. – 32 с.
5. Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В. Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. – 2016. – № 3. – С. 169–203.
6. Козлов Д.В., Платонова Д.П., Лешуков О.В. Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов. – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 32 с.
7. Мальцева Е.С. Региональная трудовая миграция: современное состояние и проблемы регулирования. – Орел: Изд-во ОФ РАНХиГС, 2013. – 256 с.

8. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в региональные центры России в конце XX – начале XXI века // Известия РАН. Сер. географическая. – 2013. – № 6. – С. 19–30.

9. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи в современной России как ресурс и вызов: Презентация к выступлению на II Симпозиуме им. Т.И. Заславской «Социальные вызовы экономическому развитию». Калининград, 26–27 мая 2015. – URL: <http://www.sociology-symposium.ru/files/mkrtchyan.pdf> (дата обращения: 15.06.2018).

10. *Мкртчян Н.В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 1. – С. 225–242.

11. *Население России 2014: Двадцать второй ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров.* – М.: ИД ВШЭ, 2016. – 360 с.

12. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения (вопросы теории). – М., 2003. – URL: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (дата обращения: 10.06.2018).

13. *Успенский А.* Молодежь после окончания школы часто поступает в вузы в другом городе и уже не возвращается в родной регион // Йод. – 2016. – 30 сент. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0699/gazeta023.php> (дата обращения: 25.06.2018).

14. *Хомра А.У.* Миграция населения: вопросы теории, методики исследования. – Киев: Наукова думка, 1979. – 249 с.

15. *Arango J.* Explaining migration: A critical view // International Social Science Journal. – 2000. – No. 52. – P. 283–296.

16. *Bailey A.* Reviewed work: Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium by Douglas S. Massey, Joaquín Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, J. Edward Taylor // Economic Geography. – 2001. – Vol. 77, No. 3. – P. 312–14.

17. *Bauer T.K., Zimmermann K.F.* IZA Research Report No. 3: Assessment of possible migration pressure and its labour market impact following EU enlargement to Central and Eastern Europe. – Bonn: IZA, 1999. – 122 p.

18. *Findlay A.M.* An assessment of supply and demand-side theorizations of international student mobility // International Migration. – 2011. – Vol. 49, No. 2. – P. 162–190.

19. *Huzdik K.* Migration potential and affecting factors in Hungary in the first decade of the 21st century: Thesis of Doctoral (Phd) Dissertation. Retrieved from Szent István University Doctoral School of Management and Business Administration. – Gödöllő, 2014. – 30 p. – URL: https://szie.hu/file/ti/archivum/Huzdik_Katalin_thesis.pdf (дата обращения: 11.06.2018).

20. *Koppenberg S.* Where do forced migrants stand in the migration and development debate? // Oxford Monitor of Forced Migration. – 2012. – Vol. 2, No. 1. – P. 77–90.

21. *Krieger H., Maitre B.* Migration trends in an enlarging European Union // Turkish Studies. – 2006. – No. 7 (1). – P. 45–66.

22. *Kurekova L.* Theories of Migration: Conceptual Review and Empirical Testing in the Context of the EU East-West Flows. Paper prepared for Interdisciplinary conference on Migration. Economic Change, Social Challenge. April 6–9, 2011, University College London. – URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/f6cd/407bb33dcee11d834a6dacb2d3ccdb99f972.pdf> (дата обращения: 27.07.2018).
23. *Lee E.S.* A theory of migration // *Demography*. – 1966. – Vol. 3, No. 1. – P. 47–57.
24. *Massey D., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J.* Theories of international migration: A review and appraisal // *Population and Development Review*. – 1993. – No. 19 (3). – P. 431–466.
25. *Shaw R.P.* Migration Theory and Fact: a Review and Bibliography of Current Literature (Bibliography Series – Regional Science Research Institute; no. 5). – Philadelphia: Regional Science Research Institute, 1975. – 203 p.
26. *Tobler W.* Migration: Ravenstein, Thorntwaite, and beyond // *Urban Geography*. – 1995. – Vol. 16, Iss. 4: Spatial Analysis in Geography. – P. 327–343.
27. *Todaro M.P.* A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries // *The American Economic Review*. – 1969. – Vol. 59, No. 1. – P. 138–148.
28. *Todaro M.P., Smith S.C.* Economic Development. – 9th ed. – Harlow, England: Pearson Addison Wesley, 2006. – 851 p.
29. *Wickramasinghe A.A.I.N., Wimalaratana W.* International migration and migration theories // *Social Affairs*. – 2016. – Vol. 1, No. 5. – P. 13–32.
30. *Žičkutė I., Kumpikaitė-Valiūnienė V.* Theoretical insights on the migration process from economic behaviour's perspective // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. – 2015. – Vol. 213. – P. 873–878.

Информация об авторах

Долженко Руслан Алексеевич (Россия, Екатеринбург) – доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и управления персоналом. Уральский государственный экономический университет (620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 62, e-mail: rad@usue.ru).

Лобова Светлана Владиславьевна (Россия, Барнаул) – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления персоналом и социально-экономических отношений. Алтайский государственный университет (656049, Барнаул, просп. Ленина, 61, e-mail: barnaulhome@mail.ru).

DOI: 10.15372/REG20200105

Region: Economics & Sociology, 2020, No. 1 (105), p. 97–118

R.A. Dolzhenko, S.V. Lobova

DETERMINANTS OF MIGRATION BEHAVIOR OF YOUTH AND IMPACT OF MIGRATION FOR ALTAI KRAI

At the present day, there is no strict, systematized, and comprehensive list of determinants for the migration behavior of young people, despite this topic being relevant for the Russian regions due to the high number of young people migrating across the country. The authors present their original view of migration behavior as a function with determinants, selected according to various migration theories and confirmed by migration studies carried out in Russia and abroad, which made it possible to identify the main trends and peculiarities of young people's migration behavior in the current context. We analyze youth migration in the Siberian Federal District, Altai Krai specifically, and reveal possible consequences of significant migratory outflows of young people to neighboring regions. The conducted analysis is based on Rosstat data and research of both foreign and domestic scientists in the field of migration.

Keywords: youth migration; migration determinants; graduate employment; migration consequences; aging of the region's population

For citation: Dolzhenko, R.A. & S.V. Lobova. (2020). Poisk bazovykh determinant migratsionnogo povedeniya molodezhi [Determinants of migration behavior of youth and impact of migration for Altai Krai]. Region: ekonomika i sotsiologiya [Region: Economics and Sociology], 1 (105), 97–118. DOI: 10.15372/REG20200105.

The publication is prepared within the framework of the project No. 18-410-220015 «Study of socio-environmental determination of youth migration and labor behavior in Altai Krai» supported by funding from the Russian Foundation for Basic Research and the government of Altai Krai

References

1. *Abylkalikov, S.I. & M.V. Vinnik.* (2012). Ekonomicheskie teorii migratsii: rabo-chaya sila i rynek truda [Economic theories of migration: the labor force and the labor market]. *Biznes. Obshchestvo. Vlast* [Business. Society. Government], 12, 1–19. Available at: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2012--12/71249233.html> (date of access: 10.07.2018).
2. *Belskaya, Yu.V.* (2016). Migratsiya v istorii ekonomicheskoy nauki: gnoseo-logicheskie osnovaniya izucheniya [Migration in the history of economic science: epis-temological foundations of the study]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo peda-gogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 5 (33), 144–155.
3. *Bulatova, G.A.* (2017). Monitoring i otsenka trudoustroystva vypusnikov vuzov [Monitoring and evaluation of the employment of graduates of universities]. *Ekonomika. Professiya. Biznes* [Economics. Profession. Business], 4, 18–23.
4. *Gromov, A.D., D.P. Platonova, D.S. Semenov & T.L. Pyrova.* (2016). Dostupnost vysshego obrazovaniya v regionakh Rossii [Availability of Education in Russian Regi-ons]. Moscow, NRU HSE Publ., 32.
5. *Kashnitskiy, I.S., N.V. Mkrtchyan & O.V. Leshukov.* (2016). Mezhregionalnaya migratsiya molodezhi v Rossii: kompleksnyy analiz demograficheskoy statistiki [Inter-regional migration of youth in Russia: a comprehensive analysis of demographic sta-tistics]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies], 3, 169–203.
6. *Kozlov, D.V., D.P. Platonova & O.V. Leshukov.* (2017). Gde uchitsya i gde rabotat: mezhregionalnaya mobilnost studentov i vypusnikov universitetov [Where to Study and Work: Interregional Mobility of Students and University Graduates]. Moscow, NRU HSE Publ., 32.
7. *Maltseva, E.S.* (2013). Regionalnaya trudovaya migratsiya: sovremennoe sostoyanie i problemy regulirovaniya [Regional Labor Migration: The Current State and Problems of Regulation]. Orel, RANEPa Publ., 256.
8. *Mkrtchyan, N.V.* (2013). Migratsiya molodezhi v regionalnye tsentry Rossii v kontse XX – nachale XXI veka [Migration of young people to the regional centers of Russia in the late XX – early XXI century]. *Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya* [Bulletin of the RAS. Series: Geography], 6, 19–30.
9. *Mkrtchyan, N.V.* (2015). Migratsiya molodezhi v sovremennoy Rossii kak resurs i vyzov. [Migration of youth in modern Russia as a resource and challenge]. Prezentatsiya k vystupleniyu na II Simpoziume im. T.I. Zaslavskoy «Sotsialnye vyzovy ekonomicheskomu razvitiyu». Kaliningrad, 26–27 maya 2015 [Presentation for the II Symposium in memory of Tatyana Zaslavskaya «Social Challenges of Economic Development»]. Available at: <http://www.sociology-symposium.ru/files/mkrtchyan.pdf> (date of access: 15.06.2018).

10. *Mkrtchyan, N.V.* (2017). Migratsiya molodezhi iz malykh gorodov Rossii [Migration of youth from small Russian cities] Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], 1, 225–242.
11. *Zakharov, S.V.* (Ed.). (2016). Naselenie Rossii 2014. Dvadsat vtoroy ezhegodnyy demograficheskiy doklad [Population of Russia 2014. Twenty-Second Annual Demographic Report]. Moscow, NRU HSE Publ., 360.
12. *Rybakovsky, L.L.* (2003). Migratsiya naseleniya (voprosy teorii) [Migration of Population (Theory Issues)]. Moscow. Available at: <http://rybakovsky.ru/migracia2.html> (date of access: 10.06.2018).
13. *Uspensky, A.* (2016). Molodezh posle okonchaniya shkoly chasto postupaet v vuzy v drugom gorode i uzhe ne vozvrashchaetsya v rodnoy region [Young people after graduation often go to universities in another city and no longer return to their native region]. Yod, September 30. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0699/gazeta023.php> (date of access: 25.06.2018).
14. *Khomra, A.U.* (1979). Migratsiya naseleniya: voprosy teorii, metodiki issledovaniya [Migration of Population: Issues of Theory, Research Methods]. Kyiv, Naukova Dumka Publ. 249.
15. *Arango, J.* (2000). Explaining migration: a critical view. International Social Science Journal, 52, 283–296.
16. *Bailey, A.* (2001). Reviewed work: Worlds in Motion: Understanding International Migration at the End of the Millennium by Douglas S. Massey, Joaquín Arango, Graeme Hugo, Ali Kouaouci, Adela Pellegrino, J. Edward Taylor. Economic Geography, Vol. 77, No. 3, 312–14.
17. *Bauer, T.K. & K.F. Zimmermann.* (1999). IZA Research Report No. 3: Assessment of possible migration pressure and its labour market impact following EU enlargement to Central and Eastern Europe. Bonn, IZA Publ., 122.
18. *Findlay, A.M.* (2011). An assessment of supply and demand-side theorizations of international student mobility. International Migration, Vol. 49, No. 2, 162–190.
19. *Huzdik, K.* (2014). Migration potential and affecting factors in Hungary in the first decade of the 21st century: Thesis of Doctoral (PhD) Dissertation. Retrieved from Szent István University Doctoral School of Management and Business Administration. Gödöllő, 30. Available at: https://szie.hu/file/tti/archivum/Huzdik_Katalin_thesis.pdf (date of access: 11.06.2018).
20. *Koppenberg, S.* (2012). Where do forced migrants stand in the migration and development debate? Oxford Monitor of Forced Migration, Vol. 2, No. 1, 77–90.
21. *Krieger, H. & B. Maitre.* (2006). Migration trends in an enlarging European Union. Turkish Studies, No. 7 (1), 45–66.
22. *Kurekova, L.* (2011). Theories of migration: Conceptual review and empirical testing in the context of the EU East-West flows. Paper prepared for Interdisciplinary conference on Migration. Economic Change, Social Challenge. April 6–9, University

College London. Available at: <https://pdfs.semanticscholar.org/f6cd/407bb33dcee11d834a6dacb2d3ccdb99f972.pdf> (date of access: 27.07.2018).

23. Lee, E.S. (1966). A theory of migration. *Demography*, Vol. 3, No. 1, 47–57.

24. Massey, D., J. Arango, G. Hugo, A. Kouaouci, A. Pellegrino & J. Taylor. (1993). Theories of international migration: a review and appraisal. *Population and Development Review*, 19(3), 431–466.

25. Shaw, R.P. (1975). *Migration Theory and Fact: A Review and Bibliography of Current Literature* (Bibliography Series – Regional Science Research Institute; no. 5). Philadelphia, Regional Science Research Institute Publ., 203.

26. Tobler, W. (1995). Migration: Ravenstein, Thornthwaite, and Beyond. *Urban Geography*, Vol. 16, Iss. 4: Spatial Analysis in Geography, 327–343.

27. Todaro, M.P. (1969). A model of labor migration and urban unemployment in less developed countries. *The American Economic Review*, Vol. 59, No. 1, 138–148.

28. Todaro, M.P. & S.C. Smith. (2006). *Economic Development*. 9th ed. Harlow, England: Pearson Addison Wesley Publ., 851.

29. Wickramasinghe, A.A.I.N. & W. Wimalaratana. (2016). International migration and migration theories. *Social Affairs*, Vol. 1, No. 5, 13–32.

30. Žičkutė, I. & V. Kumpikaitė-Valiūnienė. (2015). Theoretical insights on the migration process from economic behaviour's perspective. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 213, 873–878.

Information about the authors

Dolzhenko, Ruslan Alekseevich (Yekaterinburg, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Labor Economics and Personnel Management at Ural State Economic University (62, March 8 st., Yekaterinburg, 620144, Russia, e-mail: rad@usue.ru).

Lobova, Svetlana Vladislavlievna (Barnaul, Russia) – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Department of Personnel Management and Social and Economic Relations at Altai State University (61, Lenin st., Barnaul, 656049, Russia, e-mail: barnaulhome@mail.ru).

Поступила в редколлегию 11.09.2018.

После доработки 23.08.2019.

Принята к публикации 10.09.2019.

© Долженко Р.А., Лобова С.В., 2020